

A man in a dark suit and a light-colored fedora hat is seen from behind, walking away from the viewer down a long, arched hallway. The walls are lined with numerous framed paintings. The entire scene is bathed in a deep blue light, creating a mysterious and cinematic atmosphere.

Спецагент
под прикрытием
в мире искусства

ОПЕРАЦИЯ «ШЕДЕВР»

РОБЕРТ УИТТМАН

ДЖОН ШИФФМАН

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Роберт Уиттман

Операция «Шедевр»

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2010

УДК 82-94:[343.711:7.03]
ББК 67.52:85.1

Уиттман Р.

Операция «Шедевр» / Р. Уиттман — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2010

ISBN 978-5-00146-270-5

Как украсть картину на глазах у посетителей выставки? Роберт Уиттман, живая легенда ФБР, спецгент и арт-детектив, может ответить на этот вопрос. В своей книге он рассказывает реальные истории о своих расследованиях и раскрывает секреты своего успеха. Работа под прикрытием, обычно без оружия, ловля преступников в Филадельфии, Париже, Майами и даже Варшаве, ради спасения картин Рембрандта, Пикассо и Моне и других памятников человеческой истории, – это только начало операции под кодовым названием «Шедевр». На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-94:[343.711:7.03]

ББК 67.52:85.1

ISBN 978-5-00146-270-5

© Уиттман Р., 2010
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2010

Содержание

Информация от издательства	5
Алла прима	6
Глава 1. Саут-бич	6
Глава 2. Преступления против истории	12
Провенанс	18
Глава 3. Становление агента	18
Глава 4. «Человек со сломанным носом»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роберт Уиттман, Джон Шиффман
Операция «Шедевр»
Спецагент под прикрытием в мире искусства

Информация от издательства

Издано с разрешения Robert K. Wittman, c/o Larry Weissman Literary, LLC и P.&R. Permissions & Rights Ltd. with PRAVA I PREVODI

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

Priceless

© Robert K. Wittman, 2010

All rights reserved

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019

* * *

*Моей жене Донне и нашим троим детям: Кевину, Джеффри и
Кристин*

Алла прима

1

Глава 1. Саут-бич

Майами, 2007 год

Платиновый «Роллс-Ройс» с бронированными стеклами плавно скользил по автостраде Пальметто на восток, к Майами-Бич, а в его пуленепробиваемом багажнике лежало шесть краденых картин.

Великие произведения Дега, Дали, Климта, Джорджии О'Кифф, Хаима Сутина и Марка Шагала были обернуты в тонкую коричневую бумагу, заклеены прозрачным скотчем и грубо сдвинуты назад. Сиденье водителя занимал парижский миллионер Лоренц Конья. Он перестроился в левый ряд и гнал трехтонную бестию вперед: сто тридцать, сто сорок пять километров в час. Грозная решетка радиатора из нержавеющей стали рассекала воздух.

На развязке с Девяносто пятым шоссе сияющий автомобиль свернул на юг, оставив внизу бетонную ленту автострады. Впереди показались очертания Майами. Лоренц съехал на бульвар Мартина Лютера Кинга, резко развернулся и снова двинулся на шоссе, продолжив путь на юг. Его холодные зеленые глаза поглядывали то на дорогу, то в зеркало заднего вида. Он вытягивал шею, осматривая лазурное небо Флориды, и каждые несколько минут сбавлял скорость, соскальзывал в правый ряд, а затем вновь давил на газ. Сиденье пассажира занимал француз по кличке Санни, спокойный, полноватый, со взъерошенными волосами, круглым милым лицом и незажженной сигаретой «Мальборо» в губах. Он тоже пытался заметить что-то подозрительное.

Я сидел сзади, поглядывал на одолженный «Ролекс» и с любопытством наблюдал, как качается в такт движению макушка Лоренца. С такой скоростью мы скоро будем на месте, если он не привлечет внимание дорожной полиции и не устроит аварию. Машина опять перестроилась, и я схватился за ручку над дверью. Лоренц – скучающий торговец недвижимостью в футболке с V-образным вырезом, выцветших голубых джинсах и сандалиях – был любителем. Ему хотелось приключений, и он считал, что именно так должен вести себя преступник на пути к большой сделке: хаотично маневрировать и проверять, нет ли за ним «хвоста». Прямо как в кино.

Я закатил глаза за черными солнцезащитными очками и сказал:

– Расслабьтесь. Сбавьте скорость.

Лоренц поджал губы и надавил на педаль акселератора.

– Послушайте, – не сдавался я. – Сложно спрятаться от полиции, если гнать по Девяносто пятому шоссе в платиновом «Роллс-Ройс Фантом» со скоростью сто сорок пять километров в час.

Лоренц не отреагировал. Тот, кто добился всего сам, не будет слушать чьих-то команд. Санни дулся, что я не дал ему прихватить пистолет, и тоже проигнорировал мою просьбу. Он провел пухлой рукой по густой шевелюре и молча посмотрел в окно. Я знал, что Санни

---

¹ Алла прима – одна из основных техник масляной живописи, главной отличительной особенностью которой является написание всей картины до полного высыхания красок. *Прим. ред.*

нервничает. Его беспокоила импульсивность Лоренца: он нытик и по большому счету трус. Такие люди кажутся отважными и твердыми, но на них нельзя положиться, если что-то пойдет не по плану. Санни слабовато говорил по-английски, а я плохо знал французский, но, когда речь заходила о Лоренце, мы всегда приходили к единому мнению: без его связей не обойтись. Я потуже затянул ремень безопасности и умолк.

Французы на передних сиденьях знали меня как Боба Клэя. Я пользовался настоящим именем. Важнейшее правило работы под прикрытием – как можно меньше лжи. Чем больше врешь, тем больше приходится запоминать.

Санни и Лоренц считали меня кем-то вроде теневого американского арт-дилера – человеком, который работает с легальным и нелегальным рынком предметов искусства, международным брокером, хорошо знакомым с многомиллионными сделками. Они не были в курсе, что на самом деле я спецгент Федерального бюро расследований, старший следователь команды ФБР по преступлениям в сфере искусства. Не знали они и того, что европейский преступник, который поручился за меня в Париже, был полицейским осведомителем.

А главное – сегодняшнюю продажу шести картин Санни и Лоренц считали всего лишь прелюдией к Большому делу.

Благодаря их связям во французском уголовном мире и моим деньгам мы начали переговоры о покупке давно утраченного Вермеера, пары Рембрандтов и пяти эскизов Дега. Коллекция стоила пятьсот миллионов долларов и, что гораздо важнее, была очень известной. Шедевры похитили семнадцать лет назад во время величайшего нераскрытого преступления в истории искусства: ограбления бостонского музея Изабеллы Стюарт Гарднер в 1990 году.

Это злодеяние не давало покоя ни людям, связанным с искусством, ни следователям, давно пытавшимся поймать похитителей и вернуть утраченные картины. Бостонская полиция и местный отдел ФБР безуспешно проверяли сотни улик, малейшие намеки, нелепые слухи, сомнительные предположения. Им приходилось опровергать теории мошенников и назойливых типов, желавших заполучить пять миллионов долларов вознаграждения. Шли годы, новые подозреваемые появлялись, старые умирали, иногда при загадочных обстоятельствах. Все это породило бесчисленные теории заговора.

- Это дело рук мафии!
- Нет, это была Ирландская республиканская армия!
- Ограбление заказал иностранный магнат!
- Грабители не знали, что делают!
- Грабители точно знали, что делают!
- Преступники давно мертвы!
- Преступники живут и здравствуют в Полинезии!
- Это сделал кто-то из своих!
- Тут замешана полиция!
- Картины закопали в Ирландии!
- Картины спрятали на ферме в штате Мэн!
- Коллекция висит во дворце саудовского принца!
- Всё сожгли вскоре после ограбления!

Журналисты и писатели проводили расследования, распускали слухи, публиковали скандальные заметки. Об ограблении снимали документальные фильмы. Легенда с каждым годом обростала подробностями, и преступление стало «священным Граалем» в своей области.

Сейчас я был уверен, что от разгадки меня отделяет всего несколько недель.

Уже девять месяцев я усердно работал под прикрытием, пытаюсь заманить Санни и Лоренца, завоевать их расположение и доверие. Сегодняшняя подставная встреча на арендованной яхте была одним из последних этапов операции: она должна была развеять все сомнения в том, что я – серьезный игрок. Шесть картин, лежащих в багажнике, я подобрал на госу-

дарственном складе. Это были подделки, но довольно качественные, чтобы Лоренц и Санни на них клюнули. По разработанному в ФБР сценарию мы сядем в зафрахтованную яхту «Пеликан» и отправимся на небольшую прогулку. Там мы встретимся с колумбийским наркодилером и его приближенными и продадим картины за миллион двести тысяч долларов в банковских переводах, золотых монетах и алмазах. Конечно, и дилер, и все остальные на яхте – подельники наркодилера, горячие девушки, капитан и стюарды – будут тайными агентами ФБР.

Пока мы ехали к нужному повороту, я прокручивал все это в голове и представлял себе, как на борту «Пеликана» идут последние приготовления. Колумбийский торговец достает из сейфа горсть крюгеррандов² и мешочек с алмазами. Четыре спортивные брюнетки под тридцать прячут «глоки» и переодеваются в бикини. Стюарды в белой льняной униформе выкладывают чипсы тортильяс, сальсу и ростбифы с кровью и кладут в ведра со льдом две большие бутылки шампанского. Угрюмый ирландец на изогнутом кремовом диване читает сообщения в серебряном смартфоне BlackBerry. Капитан переключается между скрытыми камерами и включает запись.

«Роллс-Ройс» мчался на восток через дамбу Макатура – величественный мост, соединяющий центр города с Майами-Бич. До цели оставалось пять минут.

Я вспомнил утренний разговор с женой. В последний момент перед сделками под прикрытием я всегда звонил Донне. Я говорил, что люблю ее, и она отвечала взаимностью. Я спрашивал, как проходит день, и она рассказывала о детях. Наши беседы были короткие, всего пару минут. Я не рассказывал о своих планах, а она благоразумно не спрашивала. Звонок не просто успокаивал меня: он напоминал, что нельзя строить из себя героя.

Дамба закончилась, и Лоренц въехал на парковку рядом с Мариной. Затормозив перед зданием с сине-белым козырьком, он сунул охраннику пятидолларовую купюру, взял талон и направился к большой белой яхте. Из нас троих он был самым молодым и спортивным, но выгружать картины пришлось мне и его товарищу. Санни не обратил на это внимания. Хотя во Франции он имел большие связи и был близок к La Brise de Mer – одной из пяти марсельских семейных банд, визитной карточкой которой стали убийцы на мотоциклах, – он не лидер, а солдат. Работал с переменным успехом, не любил говорить о прошлом, но я знал, что кражами и разбоем в южной Франции он занялся еще в конце 1960-х. Девяностые Санни провел в суровых французских тюрьмах, потом дважды сидел за нападения при отягчающих обстоятельствах, после чего улизнул в Южную Флориду.

История Лоренца была мечтой флоридского иммигранта. Бывший счетовод и меняла у парижских мафиози, он был объявлен в розыск и бежал из Франции. В Майами он появился в середине 1990-х, на заре последнего бума на рынке недвижимости. У него было триста пятьдесят тысяч долларов. Благодаря сочетанию беспроцентных займов, наметанного взгляда на пришедшие в упадок дома и своевременных взяток правильным наймодателям он ловко воплотил американскую мечту. То, что Лоренц мне рассказывал, в основном было правдой: на бумаге он, вероятно, «стоил» сто миллионов долларов. Жил в доме за два миллиона с бассейном и высокими воротами, а в частном канале, впадающем в залив, были припаркованы гидроциклы. Он носил рубашки с монограммами и редко пропускал еженедельный маникюр. Везде, где можно, Лоренц ездил на «Роллс-Ройсе». Исключение делал, только когда брал с собой собак. Их он возил на «порше».

Во Франции Санни и Лоренц не знали друг друга и встретились уже в Майами. Но на родине у них остались общие знакомые – мафиози, имевшие доступ к людям, прятавшим где-то в Европе украденного Вермеера и Рембрандтов. Установленная французской полицией прослушка подтвердила, что они регулярно общались с известными похитителями произведений

---

² Золотые южноафриканские монеты. Названы в честь Пауля Крюгера, президента Трансвааля, и начали выпускаться в 1967 году. *Прим. ред.*

искусства, в том числе по поводу продажи единственной в мире пропавшей картины кисти Вермеера – из музея Гарднер.

Я шел к яхте и оценивал обстановку. Прием был самый радушный: девушки в бикини, гремющая музыка калипсо. Но во всем этом была какая-то фальшивая нотка. «Не слишком ли мы стараемся? – подумал я. – Санни и Лоренц ведь не дураки, а опытные мошенники».

Мы отчалили и целый час кружили по бухте Майами: ели, попивали игристое, наслаждались видами. Это была вечеринка. Две девушки ворковали с Санни, а я и Лоренц говорили с главарем, колумбийским дилером. Когда сделка была на мази, в проеме показалась третья красotka. Она схватила бокал шампанского, вазу с фруктами и громко объявила: «А теперь конкурс по поеданию клубники!» Выбежав на палубу, она постелила плед, встала на колени, провела клубникой по лицу, обмакнула ее во взбитые сливки, сладострастно опустила между блестящими от помады губами и медленно всосала. Ее примеру последовали другие девушки из ФБР. Наверное, все это и правда очень напоминало развлечения наркоторговцев, но они тут же допустили глупую ошибку: назначили судьей конкурса Санни. Здесь что-то было не так: почему внимание и королевское обхождение досталось этому полноватому парню, самому младшему в нашей банде? Санни неловко засуетился, а я сунул руки в карманы, сердито посмотрев на агентов.

Расследование сделало опасный крюк: так часто бывает, когда слишком много людей хотят сыграть важную роль. Я ничего не мог с этим поделать, а ощущение бессилия ненавидел.

Во всем ФБР я один под прикрытием работал с делами, связанными с искусством, и привык вести игру сам. Конечно, у меня была репутация рискованного человека, зато был результат. За восемнадцать лет работы мне удалось вернуть произведений искусства и древностей на сумму двести двадцать пять миллионов долларов: знаковые предметы американской истории, европейскую классику, наследие древних цивилизаций. Я сделал карьеру на поимке похитителей, мошенников и теневых торговцев, действовал во всех областях, бывал в самых разных уголках мира: Филадельфии, Варшаве, Санта-Фе, Мадриде. Я спасал произведения Родена, Рембрандта и Роквелла, различные исторические памятники, например головной убор воина апачи Джеронимо и давно утраченную копию Билля о правах. Меня отделяли считанные месяцы от возвращения оригинала рукописи «Земли» Перл Бак.

Я знал, что преступления в сфере искусства нельзя вести так же, как заурядные дела о торговле наркотиками в Майами и бостонских грабежах. Мы гонимся не за обычными для преступного мира вещами – «дурманом», отмытыми деньгами, – а за бесценными, единственными в своем роде предметами, памятниками человеческой истории. И теперь перед нами крупнейшее нераскрытое дело в этой области.

Из тех, кто тогда оказался на яхте, никто не занимался до этого такого рода преступлениями. В ФБР подобных агентов вообще было мало. Американские правоохранительные органы – в том числе Федеральное бюро расследований – не слишком заботит возвращение украденных произведений. Гораздо удобнее заниматься тем, что получается лучше всего: сажать за ограбления, торговлю наркотиками, вымогательства у инвесторов. ФБР сегодня настолько озабочено предотвращением очередного теракта, что почти треть из тринадцати тысяч работающих там агентов гоняется за призраком Усамы бен Ладена. После 11 сентября преступлениями в сфере искусства долго никто не интересовался, и мне от этого было только легче: я привык заниматься своими делами, оставаясь в тени. Мое начальство в целом было компетентным, по крайней мере, сносным. Мне доверяли делать то, что я считаю нужным, и разрешали работать независимо от Филадельфии.

Однако операция «Шедевр» – такое название делу об ограблении музея Гарднер придумали до меня – была другой. Агентам по обеим сторонам Атлантики не терпелось получить свою долю в большой награде. Руководство почти всех участвующих ведомств – в Майами,

Бостоне, Вашингтоне, Париже, Мадриде – требовало главную роль. Всем хочется славы – фотографии в газете и фамилии в пресс-релизе – после раскрытия дела.

ФБР – гигантская бюрократическая структура. По правилам дело обычно передают в город, где совершено преступление, независимо от опыта тамошних сотрудников. Именно поэтому правонарушения в сфере искусства обычно занимаются люди, которые расследуют рядовые кражи, ограбления и применение насилия. Дела после этого редко передают в другие отделы. У большинства руководителей среднего звена в приоритете не следствие, а продвижение по службе. Босс вряд ли станет принимать спорное решение – в том числе о передаче крупного дела в штаб-квартиру или в элитный отдел вроде команды по преступлениям в сфере искусства. Ведь это может обидеть или смутить другого начальника, а то и повредить чьей-то карьере. Вот почему расследование по похищению из музея Гарднер – *самому* громкому преступлению против собственности в истории США и самому известному в сфере искусства на планете – возглавил не специальный отдел, а глава бостонской команды по ограблениям банков и насильственным преступлениям.

Конечно, для него это был вопрос карьеры, и он приложил все усилия, чтобы дело у него не забрали. Меня он недолюбливал: может быть, из-за того, считал склонным рисковать, действовать быстро и не дожидаться письменного одобрения. Все это могло повредить его продвижению по службе, и он уже пробовал отстранить меня, написав длинную сердитую докладную записку, в которой ставил под вопрос мою порядочность. Потом он отозвал ее, и я снова вернулся к работе, но начальник настоял, чтобы к делу подключили одного из бостонских агентов – того самого жесткого, угрюмого ирландца, который сидел на диване, уткнувшись в телефон. Меня этот странный человек только отвлекал: он был лишним и мог спугнуть сообразительных Санни и Лоренца.

Руководство ФБР в Майами и Париже было лучше, чем в Бостоне, но ненамного. Агентам из Майами, видимо, было удобнее гоняться за килограммами «дури», а не за стопкой изысканных картин, и они мечтали втянуть Санни в сделку с наркотиками. Опять же лишнее. Связной ФБР в Париже пытался угодить коллегам из французской полиции, а довольны они могут быть только в том случае, если сами арестуют преступников и вызовут ажиотаж. Французский офицер даже позвонил мне за день до операции на яхте и поинтересовался, нельзя ли отменить встречу. Он собирался внедрить своего агента, но требовалось время, а я бы ограничился ролью ведущего эксперта по искусству. Меня подмывало спросить, с чего бы я должен слушать приказы французского полицейского, если операцию проводят американцы во Флориде. Но я сдержался и просто ответил, что ждать нельзя.

Операции под прикрытием заставляют понервничать и без вмешательства тех, кто должен помогать. Никогда не знаешь, поверили ли плохие парни твоим уговорам или задумали засаду. Один промах, одна фальшивая реплика – и можно проиграть. В мире высокочеловеческих преступлений, где речь идет о продаже произведений стоимостью десять, двадцать, даже сто миллионов долларов, подразумевается, что покупатель – истинный знаток. Нужно окружить себя ореолом компетентности и искушенности, а для этого требуются многие годы подготовки. Подделать это нельзя. Сейчас же речь шла о людях со связями в средиземноморской мафии, а она не любит шутить. Убивают не только осведомителей и полицейских под прикрытием, но и их семьи.

В конце концов конкурс с поеданием клубники сошел на нет, я «продал» подставному колумбийцу картины, и яхта медленно пошла к берегу. Я взял наполненный до половины бокал шампанского, вышел на корму и повернулся лицом к ветру, ловя свежий морской воздух. Мне это было очень нужно. Я в целом покладистый и оптимистичный человек и *никогда* не позволяю себе нервничать по мелочам, но в последнее время появилась какая-то раздражительность. Впервые работа под прикрытием не давала мне спать по ночам. Зачем рисковать жизнью и с трудом заработанной репутацией? Мне уже не надо ничего доказывать, а потерять можно

многое. Я знал, что Донна и трое наших детей тоже волнуются. Мы все смотрели на календарь: через шестнадцать месяцев я получу право выйти в отставку с полной государственной пенсией. Мой начальник в Филадельфии – старый товарищ, он не станет обращать внимание, если я отработаю последний этап по инерции. Можно было бы обучать работе под прикрытием, проводить время с семьей, наметить карьеру консультанта, подготовить молодого агента на смену.

«Пеликан» сбавил ход, приближаясь к дамбе, и я увидел причал и ждущий у навеса «Роллс-Ройс».

Мои мысли вернулись к пропавшим шедеврам и затейливым пустым рамам, которые по-прежнему висят на своем месте в музее Гарднер, хотя с момента, когда туманной мартовской ночью 1990 года двое мужчин, переодетых в полицейских, обхитрили незадачливых охранников, прошло уже семнадцать лет.

Я присмотрелся к Санни и Лоренцу, которые о чем-то беседовали на носу яхты. Они глядели на очертания Майами и темные грозовые тучи, надвигавшиеся после полудня со стороны Эверглейдса³. Толстый француз и его привередливый богатый спутник были самым большим успехом ФБР в деле Гарднер за десять лет. Мы уже перестали присматриваться друг к другу и, казалось, начинаем сходить в цене и готовы обсудить более тонкие вопросы: логистику и незаметный обмен картин на наличные в одной из зарубежных столиц.

Но мне по-прежнему было сложно «прочитать» Санни и Лоренца. Поверили ли они в наш маленький спектакль на яхте? И если да, выполнят ли обещание провести меня к картинам? Может, у них свои хитрые планы и они убьют меня, как только я покажу чемодан с деньгами? И даже если Санни и Лоренц добудут Вермеера и Рембрандтов, даст ли мне начальство в ФБР и во Франции сделать свое дело? Позволят ли мне раскрыть самое впечатляющее ограбление в истории искусства?

Санни помахал мне, и я кивнул в ответ. Лоренц спустился в каюту, а он подошел ко мне, держа в руке почти пустой бокал шампанского.

Я положил руку ему на плечо.

– *Ça va, mon ami?* – спросил я. – Как дела, приятель?

– *Très bien*, Боб. Прррррекрасно.

У меня были большие сомнения.

– *Moi aussi*, – соврал я в ответ. – У меня тоже.

---

³ Заболоченный парк во Флориде. Прим. ред.

Глава 2. Преступления против истории

Курмайёр, Италия, 2008 год

В целях безопасности Организация Объединенных Наций действовала как можно незаметнее. Для проведения Международной конференции по организованной преступности в сфере искусства и древностей было забронировано сто шесть номеров на богатом итальянском лыжном курорте у подножья Монблана, высочайшей вершины Западной Европы. Мероприятие должно было пройти в спокойные выходные в середине декабря, между фестивалем фильмов нуар и традиционным открытием лыжного сезона. ООН позаботилась обо всем: перелетах с шести континентов, изысканных блюдах, трансфере из Женевы и Милана. Когда после полудня в пятницу автобусы выехали из аэропортов, землю уже укрыл тридцатисантиметровый слой свежего снега, и водителям пришлось надеть цепи, прежде чем двинуться в Альпы. Гости – ведущие мировые эксперты по преступлениям в сфере искусства – добрались к сумеркам. Они страдали от смены часовых поясов, но с нетерпением ждали начала саммита – первого по этой проблеме.

Я приехал вечером перед началом конференции. По дороге из Милана в Курмайёр моим спутником была женщина, занимавшая высокий пост в ООН, одна из организаторов встречи. Она пригласила меня на ранний ужин. За столиком с нами сидел министр юстиции Афганистана, выпускник Оксфорда. Было слышно, как рядом высокопоставленный иранский судья рассказывает что-то министру культуры Турции. После ужина я пошел к бару, чтобы поискать старых знакомых.

Я заказал «Чивас Ригал» и полез в карман за несколькими евро. В растущей толпе я узнал Карла-Хайнца Кинда, долговязого немца, главу команды Интерпола по преступлениям в сфере искусства. Он держал в руке молочный коктейль и беседовал с двумя незнакомыми мне девушками. У камина я заметил Джулиана Рэдклиффа, чопорного британца, возглавляющего Art Loss Register – крупнейшую в мире частную базу данных похищенных произведений. Его слушал Нил Броди, знаменитый профессор археологии из Стэнфорда. Мне подали виски, и я достал список участников. Больше всего было европейцев, особенно итальянцев и греков. Неудивительно: там всегда выделяли большие ресурсы на борьбу с такого рода преступлениями. Я изучил менее знакомые, но любопытные имена и титулы: член Совета магистратуры Аргентины; иранец, которого я уже видел; ректор испанского университета; известный археолог из Греции; пара австралийских профессоров; ректор ведущего института криминалистики в Южной Корее; чиновники из Ганы, Гамбии, Мексики, Швеции, Японии и других стран. В списке была дюжина американцев, но почти одни ученые. Хороший показатель вялого отношения государства к проблеме. Правительство США не прислало никого.

Я недавно вышел в отставку и занялся вместе с женой бизнесом по охране произведений искусства. Меня пригласили выступить потому, что, в отличие от остальных участников ооновской конференции, я двадцать лет проработал в этой сфере следователем. Другие докладчики будут рассказывать о статистике, международном законодательстве и сотрудничестве, излагать официальные позиции по хорошо знакомым мне вопросам. Как обычно, скажут, что преступления в сфере искусства – бизнес размером шесть миллиардов долларов в год. Меня попросили выйти за пределы научных и дипломатических тем и рассказать, как на самом деле выглядит мир теневого искусства: какие люди крадут реликвии и древности, как они это делают и как мне удавалось вернуть похищенное.

Голливуд создал броский, насквозь фальшивый портрет этих преступников. Это, например, Томас Краун – тонкий ценитель, богатый, хорошо одетый джентльмен, который ворует

ради интереса и способен обхитрить и даже соблазнить преследователей. Еще один голливудский герой – вор-форточник с Ривьеры, которого в фильме «Поймать вора» сыграл Кэри Грант. Доктор Ноу в первом фильме про Джеймса Бонда держал в секретном подводном логове украденный портрет герцога Веллингтона кисти Гойи. С преступниками борются такие же голливудские герои. Николас Кейдж в «Сокровище нации» – потомок одного из отцов-основателей, он разгадывает загадки и возвращает давно утраченные ценности. Харрисон Форд в роли Индианы Джонса в шляпе-федоре и с кнутом расшифровывает иероглифы, спасая Вселенную от нацистов и красной угрозы.

Многие похищения *действительно* впечатляют и подходят для киносценария. Во время бостонского ограбления преступники обманули ночных охранников музея Гарднер и обмотали их серебристым скотчем от глаз до лодыжек. В Италии один парень спустил рыболовную леску через слуховое окно музея, выудил картину Климта стоимостью четыре миллиона долларов и был таков. В Венесуэле воры проскользнули в музей ночью и заменили три картины Матисса такими качественными подделками, что обнаружили пропажу только через два месяца.

Однако предметы искусства редко крадут из любви к самому искусству или «из спортивного интереса». Сами преступники тоже редко напоминают голливудские образы. Это не миллионеры-отшельники, собравшие сногшибательную коллекцию в галерее с климат-контролем, за стальной дверью, которая открывается потайной кнопкой в бюсте Шекспира. Те, кого я встречал за свою карьеру, были самыми разными людьми: богатыми, бедными, умными, глуповатыми, привлекательными, нелепыми. И почти все имели одну общую черту – животную алчность. Они крали ради денег, не ради прекрасного.

Во всех интервью, которые давал газетам, я подчеркивал: большинство похитителей быстро понимает, что *искусство не в том, чтобы украсть, а в том, чтобы сбыть краденое*. На черном рынке за похищенные произведения обычно дают всего десять процентов их реальной стоимости. Чем известнее картина, тем сложнее ее продать. Годы идут, воры приходят в отчаяние, им не терпится сбросить никому не нужное бремя. В начале 1980-х один наркоторговец не сумел найти покупателя для картины Рембрандта ценой в миллион долларов и продал ее секретному агенту ФБР за жалкие двадцать три тысячи. В Норвегии полицейский под прикрытием хотел выкупить «Крик» – всемирно известный шедевр Эдварда Мунка. Воры согласились на семьсот пятьдесят тысяч, хотя картина стоила семьдесят пять миллионов долларов.

Прекрасные картины и другие великие произведения всегда считали «бесценными», но их цена резко пошла вверх только в середине XX века. Эта эпоха началась в 1958 году, когда на престижном лондонском аукционе «Сотбис» «Мальчик в красном жилете» Сезанна был продан за шестьсот шестнадцать тысяч долларов. До этого за одну картину удавалось выручить не более трехсот шестидесяти тысяч, и сделка привлекла большое внимание прессы. К 1980-м за картины начали предлагать семизначные суммы и даже больше, и рекордные продажи почти всегда попадали на первые полосы газет, делая звездами давно умерших художников, особенно импрессионистов. Цены неуклонно росли и достигли девятизначных величин. В 1989 году музей Гетти в Лос-Анджелесе приобрел «Ирисы» Ван Гога за шокирующую тогда сумму: сорок девять миллионов долларов. На следующий год на аукционе «Кристис» другая картина Ван Гога – «Портрет доктора Гаше» – ушла за восемьдесят два миллиона, а в 2004 году «Сотбис» снова вырвался вперед: за «Мальчика с трубкой» Пикассо заплатили аж сто четыре миллиона долларов. В 2006 году был побит и этот рекорд: Дэвид Геффен, заработавший состояние на рынке музыки, продал картину Поллока «№ 5, 1948» за сто сорок девять миллионов и «Женщину III» Кунинга за сто тридцать семь с половиной миллионов.

Вслед за ценами росло и число краж.

В 1960-х воры начали сметать произведения импрессионистов со стен музеев французской Ривьеры и итальянских собраний. Крупнейшим событием того периода стало похищение в 1969 году в Палермо картины Караваджо «Рождество со святым Франциском и святым

Лаврентием». Кражи продолжались и в 1970-х, однако только в восьмидесятых и девяностых, после поразительных продаж Ван Гога, преступность в сфере искусства просто взлетела.

Дерзкое ограбление в 1990 году музея Гарднер – одиннадцать украденных шедевров, в том числе произведения Вермеера и Рембрандта, – ознаменовало начало эры дерзких нападений. Страдали музеи по всему земному шару, с 1990 по 2005 год было похищено картин на сумму более миллиарда долларов. Из Лувра в оживленное воскресенье после обеда было украдено произведение Коро. В Оксфорде посреди празднования Нового года вынесли Сезанна. В Рио – Матисса, Моне и Дали. В Шотландии бандиты, прикинувшись туристами, похитили из замкового музея шедевр да Винчи. Музей Ван Гога за одиннадцать лет пострадал дважды.

Почувствовав, что меня после перелета тянет спать, я допил виски и отправился в свой номер.

На следующее утро я пораньше пришел в гостиничный конференц-центр, чтобы занять хорошее место на вступительной сессии. Держа программу и чашку крепкого итальянского кофе, я надел беспроводные наушники и приготовился слушать перевод первого выступления. Стефано Манакорда из Второго университета Неаполя – выдающийся итальянский профессор юриспруденции с растрепанными черными волосами и широким фиолетовым галстуком – полистал заметки и откашлялся. Начал он с резкой оценки, которая задала тон всему мероприятию:

– Преступность в сфере искусства приняла масштабы эпидемии.

Конечно, он прав. По словам Манакорды, упомянутые шесть миллиардов долларов в год, вероятно, заниженная оценка, основанная на данных всего лишь трети из ста девяноста двух государств – членов ООН. Если говорить о международной преступности, похищения произведений искусства и древностей занимают четвертое место после наркотиков, отмывания денег и торговли оружием. Масштабы варьируются в зависимости от страны, но можно смело сказать, что цифры растут, а меры по борьбе с преступностью недостаточны. Все, что питает всемирную экономическую революцию, – интернет, эффективная доставка, мобильные телефоны, реформа таможни, особенно в рамках Европейского союза, – одновременно облегчает контрабанду и продажу украденных ценностей.

Как и многие другие международные преступления, нелегальная торговля произведениями искусства и древностями нуждается в тесных связях между обычным и теневым миром. Легальный рынок достигает десятков миллиардов долларов в год, и приблизительно сорок процентов продаж приходится на США. Поскольку на кону такие огромные суммы, ходовые предметы привлекают различных отмывателей денег, сомнительных владельцев галерей и арт-брокеров, торговцев наркотиками, транспортные компании, нечистоплотных коллекционеров, а иногда и террористов. Преступники пользуются картинами, скульптурами и статуями в качестве обеспечения для сделок с оружием, наркотиками и для легализации доходов. Искусство и древности, особенно небольшие предметы, которые можно пронести в чемодане, легче провезти через границу, чем наличные и наркотические вещества, а потом их можно конвертировать в любую валюту. Таможенникам сложнее работать с такого рода контрабандой: она менее очевидна, чем наркотики, пистолеты и пачки банкнот. Предметы, полученные в результате мародерства и краж, быстро перевозят в поисках новых рынков сбыта: половину возвращенных ценностей обнаруживают уже за рубежом.

В газетах пишут прежде всего о нападениях на музеи, но это лишь десятая часть всех преступлений в сфере искусства. На конференции в Курмайёре были показаны данные Art Loss Register, согласно которым пятьдесят два процента украденных произведений были похищены из частных домов и организаций почти или совсем без огласки. Еще десять процентов крадут из галерей, восемь – из церквей. Остальное в основном испаряется с мест археологических раскопок.

Пока один из дипломатов разглагольствовал о редко применяемом дополнении к одному трактату пятидесятилетней давности, я изучил данные Интерпола в полученном пакете материалов. Мне попался на глаза график географического распределения преступлений. Посмотрев на него еще раз, я снял наушники: если верить Интерполу, то семьдесят четыре процента преступлений в сфере искусства совершается в Европе. Семьдесят четыре! Это же невозможно! На самом деле эта цифра показывает только то, в каких странах хорошо ведут статистику. Это, в свою очередь, может отражать реальный интерес государства к борьбе с такими преступлениями. Разница между соответствующими органами бывает поразительной. Во Франции – в Париже – преступлениями в сфере искусства занимается тридцать сотрудников под началом полковника Национальной жандармерии. Скотланд-Ярд выделил для этих целей дюжину постоянных работников, а также поддерживает контакты с искусствоведами и антропологами, чтобы детективы в ходе работы могли с ними консультироваться. Италия, вероятно, делает больше всех. Там действует очень уважаемый и активный отдел по искусству и древностям: три сотни человек во главе с генералом Джованни Нистри. В Курмайёре генерал Нистри заявил, что Италия выделяет на борьбу с преступлениями в сфере искусства примерно те же средства, что и Управление по борьбе с наркотиками США: вертолеты, «киберищеки», даже подводные лодки.

После обеда один из высоких чинов ООН, Алессандро Кальвани, призвал другие страны последовать примеру Италии и предложил провести международную пиар-акцию, чтобы донести до общества ущерб, который наносит истории и культуре эта преступность. В пример он привел успешные пропагандистские кампании о вреде табакокурения, минах, ВИЧ и нарушениях прав человека, связанных с торговлей алмазами.

– В результате правительства были вынуждены действовать под давлением общественного мнения, – сказал он. – Многие не воспринимают преступления в сфере искусства как преступления, а без этого нельзя заручиться народной поддержкой.

Эта ситуация, несомненно, имеет место в США. По всей стране такого рода преступностью занимаются считанные детективы. Несмотря на громкие заголовки и шумиху на телевидении после каждого похищения, большинство полицейских управлений не выделяет на расследование должных ресурсов. Департамент полиции Лос-Анджелеса – единственный в стране, где есть постоянный следователь по подобным делам. В большинстве городов сотрудники общих отделов по борьбе с кражами просто назначают награду в надежде соблазнить ею воров. ФБР и Иммиграционная и таможенная полиция США имеют юрисдикцию над преступлениями в сфере искусства, но выделяют на борьбу с ними мало средств. В ФБР в 2004 году для этих целей была создана специальная команда. Работал в ней всего один постоянный агент под прикрытием: я. Теперь я вышел в отставку, и не осталось никого. Команда существует, но руководит ею археолог по образованию, а не агент ФБР. Еще там сильная текучка кадров. Почти все из восьми сотрудников, которых я готовил в 2005 году, к 2008 году перешли в другую сферу, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. Я их не виню, но из-за этого не получилось создать подготовленный, слаженный отдел, обеспечить преемственность.

США – не единственная страна, которую на конференции призывали активнее трудиться. Для большинства государств, за несколькими примечательными исключениями, борьба с преступлениями в сфере искусства просто не в приоритете. Как сказал гостям саммита один из итальянцев, «мы имеем дело с парадигмой коллективного невыполнения обязательств».

Пообедав сырым супом и эскалопом из индейки с легким розовым вином, мы выслушали пару австралийских ученых, которые сделали обзор по теме мародерства. Эта тема была мне не в новинку, но я с удовольствием послушал незападную точку зрения на этом переполненном европейцами мероприятии. Глупо пытаться решить глобальную проблему, игнорируя культурные различия. В некоторых странах третьего мира нелегальная торговля предметами искусства и древностями негласно считается возможностью дать толчок экономике. Уязвимы

разрываемые войной регионы, где законы не действуют в полную силу. В Ираке, например, исторические памятники – один из немногих ценных местных товаров (причем украсть их легче, чем нефть). В менее опасных, но бедных странах, например Камбодже, Эфиопии и Перу, мародеры превратили места археологических раскопок в настоящий лунный пейзаж, а местные власти не всегда рассматривают деятельность черных копателей как преступление против истории и культуры, иногда для них это экономический стимул. Как отметили докладчики, копают отчаявшиеся местные безработные, пытаясь превратить вещи из могил умерших предков в пищу для своих голодающих семей. На конференции эта мысль вызвала причитания политкорректных дипломатов. Они так жаловались на коррумпированных местных чиновников, что я невольно хихикнул, когда директор Кенийского национального музея Джордж Окелло Абунгу поднялся и выступил с ответной репликой.

– Не спешите судить коррумпированных таможенников, – сказал он. – Не забывайте, что взятки им дают как раз люди с Запада.

На преступления в сфере искусства и древностей смотрят сквозь пальцы отчасти потому, что они вроде бы обходятся без жертв. Я лично спасал национальные сокровища на трех континентах и могу поручиться, что это близорукий подход. Многие из похищенных произведений стоят гораздо больше своей цены. Это документальные следы нашей общей человеческой культуры. За десятки и сотни лет владельцы предметов могут меняться, однако великие произведения принадлежат нам всем, нашим предкам и будущим поколениям. Для некоторых находящихся под угрозой и угнетенных народов их искусство зачастую – единственное оставшееся выражение культуры. Похитители крадут не просто красивые вещи, а память и идентичность. Они воруют историю.

Когда речь заходит о высоком искусстве, американцев считают некультурным народом. Они якобы пойдут скорее не в музей, а на бейсбольный матч. Но, как я объяснял зарубежным коллегам, статистика опровергает стереотипы. Американцы ходят в музеи чаще, чем на спортивные состязания. В 2007 году больше людей посетило музеи Смитсоновского института в Вашингтоне (24,2 миллиона), чем игры Национальной баскетбольной ассоциации (21,8 миллиона), Национальной хоккейной лиги (21,2 миллиона) и Национальной футбольной лиги (17 миллионов). В Чикаго городские музеи ежегодно посещает восемь миллионов человек: это больше, чем суммарное за сезон число зрителей на матчах местных бейсбольных команд: Bears, Cubs, White Sox и Bulls.

Приближалось время моей презентации, и я подумал, что всех выступающих можно распределить по трем «ящикам»: ученые, юристы и дипломаты. Ученые фонтанировали статистикой и теоретическими диаграммами. Юристы рассказывали смертельно скучные, похожие на пересказ законов истории о международных трактатах, связанных с кражей предметов искусства. Дипломаты были бесполезны. Они выглядели безобидно и призывали к благородному сотрудничеству, но при этом имели, похоже, две истинные цели. Во-первых, никого не задеть. Во-вторых, составить пресное заявление для какого-то из ооновских комитетов. В общем, никаких действий.

Где же страсть?

Мы так любим искусство, потому что оно задевает глубокие струны в каждом из нас, от восьмилетнего ребенка до восьмидесятилетнего старика. Простое действие – нанести краску на холст или превратить железо в скульптуру – чудо человеческого разума. Оно создает универсальные связи независимо от того, кто этим занимается: французский мастер или первоклашка. Искусство всегда пробуждает эмоции и чувства.

Именно поэтому, когда кто-то крадет произведение искусства или грабит памятники в древнем городе, лишая его души, мы ощущаем насилие над собой.

Я ждал окончания выступления шефа Интерпола, чтобы начать свою презентацию, и смотрел на собравшихся в зале высоких гостей. Снег уже дошел до окон. Я погрузился в дрему.

«Как получилось, – думал я, – что сын сироты из Балтимора и японской делопроизводительницы сидит здесь как лучшая в стране ищейка по преступлениям в сфере искусства?»

Провенанс

4

Глава 3. Становление агента

Балтимор, 1963 год

– Грязные япошки!

Я уже слышал это слово, но на сей раз оскорбление исходило от большой белой женщины с сумками продуктов в руках. Оно ударило меня с такой силой, что я онемел, сжал мамину руку и стал смотреть на тротуар. Женщина прошла мимо и прошипела в спину:

– Желтые!

Мне было семь лет.

Мама, Ятиё Акаиси-Уиттман, даже не вздрогнула. Она насмешливо смотрела вперед, и я понимал, что от меня ожидают того же. Ей было тридцать восемь, и, насколько я знаю, она оказалась единственной японкой в нашем рабочем районе дешевых двухэтажных кирпичных домов. Мы были здесь новенькими и всего несколько лет назад переехали из родного для мамы Токио в Балтимор, где жил отец. Родители познакомились в Японии в последние месяцы Корейской войны. Папа служил на авиабазе в Татикаве, а мама работала там делопроизводителем. В 1953 году они поженились, и в том же году родился мой старший брат Билл. Я появился на свет в Токио двумя годами позже. От мамы мы унаследовали миндалевидные глаза и стройное телосложение, а от папы – светлую кожу и широкую улыбку.

Мама плохо говорила по-английски. Из-за этого у нее было мало знакомых и ассимиляция в США шла с трудом. Для нее оставались загадкой простейшие американские обычаи, например торт на день рождения. Но оскорбления на расовой почве она, конечно, понимала. Память о Второй мировой была еще свежа. Некоторые наши соседи сражались на Тихом океане или потеряли там родных. Во время войны мой папа-американец и братья моей японской мамы оказались по разные стороны баррикад. Папа был водителем десантной баржи и высаживал морскую пехоту на тихоокеанские пляжи, уворачиваясь от камикадзе. Один из маминых старших братьев погиб в бою с американцами на Филиппинах.

В Балтиморе родители отправили нас с братом в приличные католические школы, но окружили японскими вещами. Шкафы и полки дома были наполнены японской керамикой и антиквариатом, а стены увешаны гравюрами Хиросигэ, Тоёкуни и Утамаро – японских мастеров, вдохновлявших Ван Гога и Моне. Мы ужинали за столом из темного японского красного дерева и сидели на причудливо изогнутых бамбуковых стульях.

Неприкрытый расизм, с которым мы сталкивались, приводил отца в бешенство, но при мне он редко проявлял гнев. Папа мало говорил о своем детстве, но я знал, что ему приходилось куда тяжелее. Родители умерли один за другим, когда ему было три или четыре года. Со старшим братом Джеком он попал в католический Приют святого Патрика. Там и научился стоять за себя. Когда его заставили петь в хоре, он громко фальшивил. Когда несправедливо наказал жестокий учитель, он ударил того в нос. Монахини быстро пришли к выводу, что с

---

⁴ Провенанс – история владения художественным произведением, предметом антиквариата, его происхождение. *Прим. ред.*

таким парнем им не совладать, и отправили его в интернат, разлучив с братом. Папа сменил более десяти семей, пока в 1944 году ему не исполнилось семнадцать и его не призвали в ВМС.

В 1960-х я уже учился в школе. В газетах и по телевидению тогда каждый день говорили о движении за гражданские права. Казалось, что ФБР никогда не остается в стороне. Агенты защищали жертв расизма, боролись с фанатиками и хулиганами. Я спросил маму про агентов, и она сказала, что это, видимо, достойные люди. Воскресными вечерами в конце шестидесятых мама, папа, брат и я садились у нашего нового цветного телевизора и смотрели серьезный сериал «ФБР» с участием Ефрема Цимбалиста – младшего. Сценарий одобрил лично глава этой организации Эдгар Гувер. В сериале бюро всегда добивалось успеха, а агенты выглядели благородными защитниками справедливости и американского образа жизни. В конце Цимбалист иногда просил публику помочь раскрыть преступление – это был своего рода предшественник программы *America's Most Wanted*⁵. Я все это обожал, и мы редко пропускали новые серии.

Один из наших соседей, Уолтер Гордон, работал специальным агентом в балтиморском отделе ФБР. Когда мне было десять лет, я считал его самым классным человеком на свете. Мистер Гордон каждый день надевал хороший костюм, сияющие ботинки и хрустящую белую рубашку. У него была самая красивая машина в нашем квартале: зеленый двухдверный «Бьюик Скайларк» последней модели, специальный выпуск для ФБР. Люди смотрели на Гордона с уважением. Я знал, что он ходит с пистолетом, но никогда не видел оружия, и это только добавляло загадочности. Я дружил с его сыновьями – Джеффом, Деннисом и Дональдом. Мы играли в мяч во дворе перед их домом и менялись бейсбольными карточками в подвале. Гордоны были добрыми людьми. Они не оттолкнули нашу семью в трудный период и не давали почувствовать, что это одолжение с их стороны. В мой одиннадцатый день рождения миссис Гордон узнала, что у меня никогда не было торта на праздник, и испекла его сама – со слоем темного шоколада. Через несколько лет мистер Гордон услышал, что папа открыл новый ресторан морепродуктов, и начал приводить туда на обед коллег-агентов. Это было им не по пути и не в лучшем районе, рядом с ипподромом Пимлико. Я понимал, что Гордон ходит туда не ради еды: он просто хотел привести платежеспособных клиентов и помочь соседу.

Ресторан – *Neptune's Galley* – не продержался долго. Это было одно из многих папиных предприятий. В любой своей затее отец всегда оставался начальником и хозяином. Он был общительный и не жадный, но у нас никак не получалось накопить капитал и обрести финансовую стабильность. Он пробовал заниматься капитальным ремонтом домов, верховыми лошадьми для скачек, составлял каталоги колледжей, написал книгу о том, как выиграть в лотерею. Он безуспешно участвовал в выборах в городской совет и открыл на Говард-стрит магазин антиквариата под названием *Wittman's Oriental Gallery*. Это было одно из самых успешных и приятных его начинаний. Папа рассчитывал, что я вырасту и стану участвовать в его бизнес-проектах, а мама хотела, чтобы я стал профессиональным пианистом и играл классику. (В старших классах у меня получалось, но я быстро понял, что недостаточно хорош и карьеру в музыке не сделаю.)

В 1973 году я поступил в Таусонский университет – ходил на вечерние занятия, когда мог себе это позволить. К тому времени я уже знал, кем хочу стать. Агентом ФБР. Свои планы я держал при себе: не люблю много говорить о том, что собираюсь делать, пока не сделаю. Наверное, эта черта передалась мне от японских предков. Кроме того, мне не хотелось разочаровать родителей.

---

⁵ *America's Most Wanted* – американское телешоу, выходившее на экраны с 1988 по 2012 год. В рамках программы показывались истории реальных преступников (их роли исполняли актеры), перемежавшиеся отрывками из интервью и речью диктора. *Прим. ред.*

Мое представление о работе в ФБР стало более зрелым. Эта профессия теперь казалась мне не только интересной, но и разумной, ответственной, волнующей. Мне нравилась мысль, что я буду защищать невиновных, расследовать дела, стану полицейским, главное оружие которого – мозги, а не пистолет. Еще мне хотелось послужить стране: было неловко, что призывная лотерея закончилась за год до того, как мне исполнилось восемнадцать, и во Вьетнам я не попал. Еще я много лет наблюдал, как трудно папе приходится с малым бизнесом, и перспективу стабильной государственной службы с гарантированными благами не стоило сбрасывать со счетов. Наконец, меня привлекали понятия о чести, по-японски *гэджи*. То небольшое, что я знал об агентах ФБР, по большей части основывалось на наблюдениях за мистером Гордоном и телепередачах, но эта профессия казалась мне достойным способом послужить своей стране. Окончив университет, я позвонил в ФБР и спросил, могу ли я устроиться туда на работу.

Агенту, который поднял трубку, я возбужденно поведал, что соответствую всем требованиям: мне двадцать четыре, я окончил колледж, я гражданин США и у меня нет судимостей.

– Это, конечно, замечательно, молодой человек, – как можно добрее сказал агент. – Однако нам хотелось бы, чтобы у кандидатов было как минимум три года опыта работы в реальном мире. Накопите – тогда и перезвоните.

Разочарованный, я перешел к плану Б: дипломатической службе. Я рассчитывал, что три года поработаю в госдепартаменте, попутешествую, а потом переведусь в ФБР. Я прошел экзамен, но работу не получил: наверное, не хватило политической жилки.

В тот же год мы с братом Биллом начали участвовать в новом папином проекте: ежемечаснике о сельском хозяйстве *The Maryland Farmer*. Ни папа, ни я не имели представления ни о журналистике, ни о фермерстве, но газета в любом случае на семьдесят пять процентов состояла из рекламы удобрений, семян, молочных продуктов, тракторов и всего, что может понадобиться фермеру. У нас были разные рекламодатели: от гигантов размером с *Monsanto* до небольших сельских магазинчиков. Я никогда раньше не занимался набором, не писал заголовков и не мог отличить ангусскую породу коров от голштинской, но быстро все это освоил. А еще я научился искусству слушать: встречался с фермерами, был судьей на их шоу, обхаживал руководство корпораций, знакомился с профессиональными чиновниками. Я писал и редактировал статьи, продавал рекламу, занимался дизайном заголовков, проверял экземпляр, который вводили в большой аппарат компании *Compugraphic*, делал вырезки и наклеивал их на страницу. Дела шли неплохо, и к 1982 году *Wittman Publications* охватила четыре штата. Я много ездил – наверное, полторы сотни тысяч километров в год, – учился продавать товар и, что еще важнее, самого себя. Это мне очень пригодилось спустя годы, когда я уже работал тайным агентом. Тогда я усвоил самый важный секрет продаж: если человеку нравится товар, но не нравишься ты, он ничего не купит. Если же он не в восторге от товара, но ты ему понравился, шанс есть. В бизнесе сначала продаешь себя, поэтому главное – произвести хорошее впечатление.

Попутно я научился манипулировать людьми: надо было заставить скотоводов, производителей арахиса и табака, лоббистов поверить, что мне – городскому мальчику – небезразличны их проблемы. Но *на самом деле* меня эта тема не интересовала. Мне по-прежнему хотелось в ФБР. И через восемь лет вечных дедлайнов, еженедельных поисков рекламодателей и решения банальных споров между репортерами и рекламщиками эта работа мне надоела.

Однажды октябрьским вечером я вышел из офиса, чтобы выпустить пар и как следует поужинать. Я выбрал модный новый ресторан в центре города: там можно было заказать тарелку отличного супа биск из лобстеров и посмотреть четвертую игру Чемпионской серии Американской лиги: *Baltimore Orioles* против *Los Angeles Angels*. Мне подали суп. И он оказался как раз в точку: день был такой загруженный, что я даже не пообедал. *Orioles* в четвертом иннинге вырвались вперед на три пробежки, но какая-то блондинка у бара постоянно вставала, загоразивая мне экран. Меня это раздражало. Но во время пятого иннинга она слегка

повернулась, и я увидел ее в профиль. Ух ты! Это была девушка ослепительной красоты, а ее улыбка заставила меня забыть о бейсболе. Я постарался сохранить спокойствие и представился. Мы проговорили около часа, и наконец она согласилась дать мне свой номер. Ее звали Донна Гудхэнд. Ей было двадцать пять, она работала менеджером в стоматологическом кабинете и обладала потрясающим чувством юмора. На багажнике ее белого «Малибу Классик» 1977 года выпуска была наклейка: «Не будешь заботиться о зубах – они от тебя уйдут». Мне понравился ее стиль, и я думал, что во время нашей первой встречи я вел себя очень учтиво. Но, как она потом призналась, для нее все выглядело иначе: я показался ей навязчивым и бесцеремонным и спас положение только на третьем свидании, когда пригласил ее к родителям и спел серенаду *Unchained Melody*, аккомпанируя себе на фортепиано. Через два с половиной года мы поженились.

В середине 1980-х у нас с Донной было уже двое маленьких сыновей: Кевин и Джеффри. Мы жили в крохотном таунхаусе, а поскольку мой газетный бизнес не мог обеспечить медицинскую страховку, Донна работала на полную ставку в Union Carbide Corporation.

Однажды в 1988 году жена показала мне объявление в газете, которое гласило, что ФБР открывает набор персонала. Я изобразил спокойствие и только пожал плечами, стараясь подавить в себе надежду, – память о том звонке после окончания университета еще была жива. Но в голове уже начали кружиться мысли о службе, чести, независимости, мистере Гордоне и Ефреме Цимбалисте – младшем. А еще я понимал, что времени у меня не так много. Мне было тридцать два года, а ФБР перестает принимать новых агентов в тридцать пять. Не говоря ничего Донне, я прошел тест на профпригодность в балтиморском отделе. Решил, что если провалю его, то никому ничего не скажу, и все на этом закончится. Но несколько месяцев спустя в офисе нашей газеты появился агент ФБР, желавший со мной поговорить. Я пригласил его в свой кабинет. Он был худой, высокий, в больших круглых очках с толстыми линзами. Одет в дешевый светло-коричневый спортивный пиджак и синие брюки. Агент пришел, чтобы проверить мое прошлое, но попутно мы много говорили о том, каково это – работать в ФБР. Он был хорошим продажником. С другой стороны, меня и не надо было уговаривать.

– ...Итак, всего через несколько месяцев – если вы станете спецагентом – вы можете сидеть с помповым ружьем за рулем мощного автомобиля где-нибудь в горах или в индейской резервации. Может, вы будете единственным представителем закона в радиусе пятидесяти километров...

Это звучало здорово. Работать в одиночку. Никем не руководить. Водить дробовик. Представлять правительство США. Защищать невиновных, бороться со злом. Быть законом на огромной территории.

Гость еще раз посмотрел на меня.

– Позвольте задать вам еще один вопрос. – Он показал через дверь на моих сотрудников, суежившихся над очередным номером. – Почему вы хотите все это бросить? Вы сейчас зарабатываете шестьдесят пять тысяч долларов. Вы хозяин. В ФБР вы начнете с двадцати пяти и вам будут указывать, где жить и что делать.

– Это для меня легкий выбор. Я всегда мечтал стать агентом, – без колебаний ответил я. Мы пожали руки.

Потом была еще одна проверка, тест на физическую подготовку. Он состоял из серии упражнений – бег, подтягивания, отжимания, приседания, – и надо было набрать определенную сумму баллов. Мне было тридцать два, пришлось потренироваться. Летом после работы мы всей семьей выходили на беговую дорожку. Донна толкала коляску с маленьким Джеффри, а малыш Кевин бежал за ней. Испытание я прошел, получив право поступить в Академию ФБР. В 1988 году на выходных по случаю Дня труда мы поехали к родителям Донны, жившим на берегу Чесапикского залива, чтобы отметить четвертый день рождения Кевина и мое вступление в ряды ФБР. Было шестьдесят человек: друзья, соседи, родные. Мы сдвинули шесть столов

и устроили пикник: жевали гамбургеры и хот-доги, хрустели большими крабами на пару, попи-вали холодный Budweiser и смотрели на море. Были тосты, объятия и семейные фотографии. Горько и радостно. На следующий день я сел в подержанный «Малибу» Донны, покинул семью и отправился в Куантико в штате Виргиния. Меня ждали четырнадцать недель подготовки.

С самого первого дня меня поразило, как много общего у пятидесяти моих однокурс-ников: в основном консерваторы около тридцати, патриоты, подтянутые и обаятельные. Еще меня удивило, что, в отличие от меня, большинство рекрутов поступили в Академию после службы в силовых структурах. Бывшие военные и полицейские. Они ценили военную выправку и физический контакт и наслаждались «мужским» решением проблем: бокс, борьба, пинки, наручники, огнестрельное оружие, перцовый баллончик в лицо. Я не был мачо и не разделял такого подхода. Конечно, работа может оказаться опасной, и я готов отдать жизнь ради мир-ного населения или коллеги-агента, но это не значит, что надо делать какие-то глупости. У меня всегда были хорошие оценки на тестах, поскольку я знал: в большинстве сценариев пра-вильный ответ – вызвать подкрепление, а не строить из себя героя. *Вопрос: двое вооруженных грабителей напали на банк, обстреляли полицейского и скрылись в доме. Как вы поступите?* *Ответ: вызову подкрепление и спецназ.* Для военных иногда не проблема кем-то пожертвовать, но в охране правопорядка «приемлемых потерь» не бывает. Физическая подготовка в акаде-мии была обязательной, но удовольствия она мне не доставляла, я ее просто терпел. К сча-стью, сосед по общежитию Ларри Венко разделял мои взгляды. Он придумал мантру, которая помогла нам пройти через эти адские четырнадцать недель: «Мы здесь, чтобы уйти».

В последние недели курсанты получили распределение. Мы с Донной надеялись на Гоно-лулу, но попали в Филадельфию.

Права выбирать мне не дали. В 1988 году Филадельфия была закопченным, дорогим городом, до ее великого возрождения оставалось еще десятилетие. Я старался не падать духом и робко напомнил жене, что оттуда всего полтора часа езды до наших родных в Балтиморе. Она рассмеялась и больше не возвращалась к этой теме. Мы оба понимали, что отправляемся туда не ради хорошего места и качества жизни, а ради того, чтобы я исполнил свою мечту.

Тогда мы еще не знали, насколько судьбоносным станет для меня это случайное распре-деление. В Филадельфии было два превосходных художественных музея и одна из крупнейших в США археологических коллекций.

В тот месяц, когда я доложил о прибытии на службу, два из этих мест ограбили.

Глава 4. «Человек со сломанным носом»

Филадельфия, 1988 год

Первое ограбление постигло музей Родена – элегантное здание, посвященное французу, с которого начался импрессионизм в скульптуре.

В музее хранится крупнейшая коллекция работ Родена за пределами Парижа. Он занимает видное место с северо-западной стороны бульвара Бенджамина Франклина – одного из центральных городских бульваров. Музеем Родена управляет его большой сосед, Художественный музей Филадельфии, который может похвастаться картинами Дали, Моне, Ван Гога, Рубенса, Томаса Икинса и Сезанна, а в народе больше прославился лестницей из семидесяти двух ступенек, на которой в фильме «Рокки» тренировался Сильвестр Сталлоне. Это утомительный подъем. Вход в музей Родена намного гостеприимнее: от бульвара его отделяет очаровательный дворик, в котором возвышается двухметровая копия «Мыслителя», самого знаменитого произведения скульптора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.